

-Э

й, пацан, привет! — молодой мужчина в выцветшем камуфляже приветственно махнул рукой. И тут же ему навстречу рванул рыжий мальчишка лет пяти-шести на вид, наконец-то дождавшийся и этого парня, и этого дружественного знака.

Добежав до «ежей» у блокпоста и словно спохватившись, дальше пошел, старательно сдерживая радостный порыв. Он с раннего утра ждал, сидя на крыльце почти полностью разрушенного дома, в котором когда-то был продмаг. Полустгоревшая вывеска до сих пор красовалась над проемом с выбитыми дверями. В нее периодически, когда становилось особо скучно, мальчишка кидал камешки, и они щелчком отскакивали, весело скатываясь по ступенькам. Когда и это надоедало, мальчик начинал разглядывать укрепление, мысленно подгоняя своего друга, хотя знал, что тот появится только после развода. Выйдет к шлагбауму, поправляя висящий на плече автомат, внимательно посмотрит по сторонам, хотя наперед знает, где именно сидит маленький мальчик, и только после этого махнет рукой, подзывая, крича ему всегда одни и те же слова. И мальчишка в ответ срывается с места, подгоняемый каким-то теплым чувством

от предстоящей встречи, и еще чуть-чуть чувством голода. Вот и в этот раз он подошел, снизу вверх восторженно посмотрел на этого великана, протянул руку большому улыбающемуся мужчине и сказал:

— Здравствуй, Иван!

— Ну, здравствуй, Салман, коль не шутишь.

А какие тут могут быть шутки, когда на протяжении последних четырех месяцев, после смерти отца, бегал сюда маленький Салман как на работу. Сначала осторожно, с опаской, как-то раз услышав от старших мальчишек, что у военных всегда можно выпросить что-нибудь вкусное. Но для него тогда и кусок хлеба был как пирожное. Долго не рещался подойти, ноги наливались тяжестью, живот начинало скручивать, и слова застревали в горле, когда кто-нибудь из людей в форме выходил на улицу. Мелкого парнишку, сидящего у развалин магазина, внимательно издалека оглядели, идентифицировали как неопасного и перестали обращать на него внимание.

Салман несколько дней подряд приходил и садился на крыльцо, томясь непроходящим чувством голода и страха, украдкой разглядывая блокпост, не представляя, как это можно взять и попросить у этих людей еды. Ведь при разговоре о военных у взрослых проскальзывал испуг и ненависть. Лица их кривились, а слова становились злыми. Салман хорошо помнил, как дядя его Иса прикрикнул, когда он не захотел уезжать с ним в далекое село после похорон отца и спрятался в сарае:

— Ну и сиди здесь, маленький шайтан, пока федералы не утащат тебя! — махнул рукой и уехал.

В те дни, ожидая непонятно чего, Салман ярко представлял, что сейчас выскочат эти страшные федералы, накинутся на него и начнут бить, а потом обязательно утащат в лес, где скормят диким зверям. И чем дольше он сидел, тем больше ужас сковывал тело, не давая даже пошевелиться, настолько уже реальной казалась ему скорая расправа. Но вместо этого на четвертый день из укрепления вышел высокий здоровый парень в разгрузке, с автоматом в правой руке и крикнул ставшее впоследствии таким привычным: «Привет, пацан!»

Салман тогда ничего не ответил и даже не шелохнулся, превратившись в каменную статую, надеясь в душе, что этот человек-гора обращается не к нему, но дело было в том, что кроме него, больше на этой улице никого не было. А мужчина вдруг улыбнулся, и мальчик на негнущихся ногах побрел к нему, готовый, как ему казалось, в любой момент дать деру. Подойдя, уперся взглядом в запыленные берцы незнакомца, не в силах поднять голову, чтоб посмотреть в лицо. А мужчина присел на корточки, заглянув мальчишке прямо в глаза, серьезно спросил:

— Что случилось, малец?

И Салман, неожиданно, даже для самого себя, вдруг разревелся, таким теплым оказался голос у этого незнакомца военного. И рассказал все — что отец умер еще зимой, а дома он и мать, и что последние несколько дней совсем нечего кушать, кроме пустой похлебки, и что идти им некуда, кроме как к дяде, но мама не хочет ехать в горное село, потому что здесь могила отца, их дом, и сюда должен вернуться брат, которого они давно не видели и не знают, жив ли, что корова умерла давно, а последнего барана зарезал сосед, когда устраивали поминки по отцу, и что-то еще, но уже нечленораздельное, всхлипывая и размазывая слезы по щекам... Но вдруг, враз устыдившись своего малодушия, затих.

В ответ взрослый не стал ругаться, или, что совсем невыносимо, сме-

ваться, а лишь спросил, как его зовут. Получив ответ, сказал, что его зовут Иван, и что он сейчас вернется, чтоб Салман ждал его здесь. А затем принес несколько консервов, банку сгущенки и полбулки хлеба, отдал это все, предложив, чтоб он приходил по утрам, когда надо будет. И Салман приходил. Сначала брал продукты, говорил «спасибо» и уходил, потом однажды увидел плеер и спросил: что это? Иван передал мальчишке наушники и нажал кнопку на небольшой коробочке:

— Это, пацан, музыка.

Салман замер, такой красивой, струящейся и необыкновенной была эта музыка, которая враз обволокла все его существо, отогнав все горести и несчастья. Стоял, не шелохнувшись, боясь, что сейчас Иван оборвет этот завораживающий поток, но тот лишь стоял, смотрел на него и улыбался. С тех пор, когда они встречались, Иван передавал ему продукты и давал послушать плеер. Салман быстро научился включать и выключать, перемотывать кассету, чтоб еще раз послушать понравившееся место.

А еще они начали разговаривать. О разном. Иногда Иван рассказывал ему сказки. Слушая его, Салман несколько раз вспоминал своих старших братьев, Османа и Заура, и думал, почему они никогда не рассказывали ему ничего подобного? Османа он почти не помнил, только силуэт и лицо с фотографий в семейном альбоме, а вот Заура помнил хорошо и скучал по нему, ожидая, когда же он наконец-то вернется. И тогда он тоже попросит его рассказать про волшебников и фей, про Федору и ее горе, и про сказочный лес с говорящими зверями.

Потом Ивана звали другие солдаты, и он уходил, махнув на прощание. Салман тоже махал рукой, ждал, когда мужчина скроется за укрытиями, и убегал домой. Там его встречала мать, смотрела на продукты, гладила по голове и говорила, что он ее кормилец и настоящий мужчина. От этого становилось очень приятно, а главное, в такие моменты он чувствовал себя почти взрослым.

Наблюдая за их общением, сержант как-то спросил Ивана, чего он возится с чеченышем, а Иван пожал плечами и сказал, что тот напоминает ему младшего братишку.

— Чем? Рыжими волосами? — усмехнулся сержант.

— Возрастом, — ответил Иван и задумался о чем-то своем.

Больше сержант к нему не приставал, но неодобрительно приглядывал через бойницы за мальцом, пожевывая сигарету и поглаживая автомат.

А находящиеся в наряде только кричали, когда недалеко у развалин появлялась знакомая фигура:

— Иван, дружбан твой ибн брат пришел.

И Иван выходил к пацану, махал рукой, а затем, сидя у блоков, разговаривал с ним на любые темы, кроме войны.

* * *

Салман забежал во двор и сразу понял, что что-то не так. Наверное, из-за доносящихся из дома оживленных звуков. Вошел и увидел суетящуюся радостную мать. Глаза ее светились счастьем, и мальчик даже ошарашен — давно он не видел маму такой красивой. Из комнаты вышел широкоплечий парень в черном спортивном костюме, с редкой рыжеватой бородой, из-за которой он не сразу узнал брата.

— Заур! — радостно крикнул мальчик и кинулся навстречу парню,

который тут же подхватил его и легко поднял над собой, к самому потолку:

— Вай, какой ты большой, Салман! Выше меня, смотри!

И Салман засмеялся, увидев совсем рядом запыленную люстру с колыхаемой сквозняком паутиной среди рожков, в которых празднично светились лампочки.

Сверху было интересно наблюдать, как лицо этого чужого человека меняется и превращается в лицо любимого брата, и еще, как мама улыбается, глядя на них, и носит на стол нехитрую еду. Мальчик потянулся и обнял брата, уткнувшись в его плечо, полной грудью вдохнув незнакомый запах, при этом не выпустив из рук принесенный хлеб.

Заур подержал его так еще пару минут и поставил на пол, потрепав пятерней по рыжим вихрам. Увидел буханку, и лицо его передернуло, как будто у него неожиданно разболелся зуб.

— Мать говорит, что ты теперь кормилец, да?

— Ай, Заур, не надо. Садитесь кушать, — сказала женщина, ставя на старую клеенчатую скатерть тарелки и забирая у малыша хлеб.

Молодой мужчина усмехнулся, вышел из комнаты и вернулся, держа в руках объемную фляжку и ярко-красную большую машину в пластиковой коробке. Коробку протянул обомлевшему от счастья Салману, а из фляжки плеснул себе в стоящую рядом кружку коньяка. Молча посмотрел на удивленное лицо матери, потупил глаза, но через секунду выпил залпом. Затем отломил кусок хлеба от лежащей на столе булки, закусил и сел за стол, придвинув к себе горячую чечевичную похлебку.

После обеда он вышел на улицу, сел на старую скамью у забора, на которой когда-то любил сидеть его отец, и закурил, задумчиво глядя на виднеющийся вдаль Кавказский хребет. К нему тихонько подошел младший брат и присел рядом:

— А ты надолго, воккхаваша¹?

Заур посмотрел на него, приобнял за плечо и прижал к себе:

— Нет. Я теперь воин и мое дело война. И ты, когда вырастешь, тоже станешь настоящим воином, да?

— Да, — прошептал мальчик и тоже посмотрел на далекие горные хребты, и вдруг попросил: — Заур, расскажи мне сказку.

Но брат молча докурил, отшвырнул от себя сигарету и сказал каким-то чужим голосом:

— Мне сказали, что ты к федералам ходишь. Дружбу там водишь. Нехорошо это. Отец твой был бы недоволен, и Осман. И я недоволен.

— Но почему, другие мальчишки тоже ходят к ним и просят еду. И Анзон, и Була, и даже Джамал...

— Какой ты еще овлур²! Они используют их, а ты сердцем дружишь. Нельзя! Помни, что ты нохчо³, да.

Мальчик непонимающе посмотрел на брата, подумал и спросил:

— А каким должен быть настоящий нохчо?

— Пошли, — кивнул парень, встал со скамьи и быстро зашагал обратно во двор, к огороду. Мальчик побежал следом. Когда они зашли за дом, Заур сказал:

— Запомни, ты должен не плакать от горя, не смеяться от радости,

¹ Уважительно к старшему. Старший брат.

² Ягненок.

³ Чеченец.

не убегают ни при какой угрозе, да. Ты должен быть сильным и выносливым. Почитать Коран, отца и мать. Еще быть безжалостным к врагу. Слышишь, к врагу! А ты дружишь с ними! Ты разбиваешь мне сердце, Салман! Ведь они убили нашего брата, из-за них умер отец, ты забыл это?

Мальчик сглотнул навернувшиеся слезы и отрицательно мотнул головой.

А старший брат огляделся и достал из-под олимпийки пистолет. Любуясь, погладил ладонью черный ствол, присел на корточки и протянул его Салману:

— Держи! Настоящий нохчо должен уметь обращаться с оружием. Вот что станет для тебя настоящим другом. Я научу тебя. А ты должен стать достойным меня.

И глядя в округлившиеся восторженные глаза ребенка, вложил ему в руки огромный черный пистолет с коричневой рукояткой, а затем, придерживая и помогая, показал, как надо обращаться с ним. Помог прицелиться, это было совсем не сложно. И рассмеялся, когда от прогремевшего выстрела мальчик вздрогнул и чуть не выронил оружие:

— Не бойся! Держи крепче. Это замечательный звук! Особенно, если после него падает мертвым твой враг. Давай еще раз, вон по той банке на палке.

И мальчик при помощи сильного пальца брата снова вдавил спусковой крючок. Раздался выстрел, и банка, резко прокрутившись по оси, соскользнула со штыря и упала на землю.

— Вай! — радостно закричал Салман. — Смотри, я попал!

— Ты молодец! — похвалил его брат, но тут из дома выскочила мать и неодобрительно закачала головой:

— Заур, не надо! Не привлекай к нам внимание. Я прошу тебя!

— Не переживай, мать. Я никого не боюсь, — он выпрямился, убрал пистолет в кобуру и направился со двора.

— Куда ты, сынок? — встревожилась женщина.

— К Малику, поговорить надо.

— Я с тобой! — закричал Салман и кинулся за братом, пробежав мимо матери.

А она, стоя у калитки, долго смотрела им вслед, пока два силуэта, большой и маленький, не скрылись из виду. Вдохнула, вмиг потускнев, и ушла в дом.

* * *

— Прощу тебя, останься с нами! Заур, в доме должен быть мужчина! Посмотри, крыша протекает, забор покосился, печь дымит, — женщина умоляюще смотрела на своего среднего сына, который, сидя за столом, угрюмо разглядывал выцветший узор на скатерти. Он снова налил в кружку коньяка и залпом выпил. Она вдохнула и прошептала:

— Я боюсь за тебя!

От Малика сыновья вернулись поздно вечером, и от нее не укрылось, что Заур был пьян. Он, покачиваясь, прошел к столу и грузно сел на жалобно скрипнувший стул, раздумывая о чем-то своем. Салман же забежал довольный, ухватил подаренную машину и начал катать ее по полу, иногда поглядывая то на брата, то на мать. Он не понимал, почему мама опять стала печальная и расстроенная: ведь так все хорошо, брат снова рядом, и из разговора с Маликом он понял, что теперь Заур будет чаще прихо-

дить домой, а еще — что его ждет много работы и очень много денег, которые будут совсем не лишние в их семье. Малик пользовался авторитетом среди молодежи, к тому же когда-то был другом Османа, а теперь товарищем Заура, поэтому Салман верил ему безоговорочно. Этот взрослый мужчина погладил мальчика по голове и, протянув ему чурчхелу, сказал, улыбнувшись, что теперь ему не надо ходить к федералам, теперь, когда рядом с ним его брат — настоящий джигит, и еще — что он должен быть достойным брата. И Салман не сводил с брата восхищенных глаз. Счастье переполняло его. Ему очень хотелось обнять брата и маму, но он усвоил, что подобает быть более сдержанным в своих эмоциях и чувствах. Это женщинам можно иногда их выплескивать, и сейчас у матери блестели глаза от близко находящихся слез, а голос жалобно подрагивал:

— Мне не нравится, что ты ходишь к Малику. Я не верю ему. И отец не поверил, когда этот наглец пришел в наш дом и сказал, что Османа убили в Грозном, а ему удалось спастись. Он бросил его! Я чувствую это сердцем!

Она посмотрела на сына, выговаривая наболевшие за все это время слова:

— Совсем запутал вам головы. Убедил Османа, что джихад — это правильно. Теперь я даже не знаю, где лежит прах Османа, а Малику все неймется, он и тебя пытается отнять. Ведь это по его совету ты уехал тогда. Зачем, Заур?! Куда? Ты даже не смог приехать на похороны своего отца...

Она всхлипнула, но сдержалась и продолжила:

— Отец тогда выгнал его. Так и сказал — уходи, и больше не приходи в мой дом! А потом повернулся ко мне и спросил, помню ли я, как счастливо мы жили когда-то? Тогда, когда был Союз, и вы с Османом были еще совсем маленькие. Как мы ездили на машине на море, и он учил вас плавать. Какие замечательные и добрые вы росли. Как было все хорошо, а потом все изменилось. И тут он начал кричать, он кричал, Заур! Как он, учитель истории, мог поверить во все это? Как он не понял, что это начало конца? Как поддался на все эти разговоры об отделении Чечни? А потом он спросил меня — где ты была, женщина, почему не выцарапала его ослепшие глаза, когда он смотрел, как его мальчики уходят с этим проходимцем! С человеком, который несколько лет просидел в тюрьме за поножовщину, вышел, ушел в горы, вернулся и вдруг объявил себя чуть ли не имамом. Он еще много чего сказал тогда, а потом лег на тахту, отвернулся к стене и больше с нее не встал. Врач решил, что у него произошел инфаркт. Но он умер от горя. Слышишь, Заур?

— Слышу! — он вдруг стукнул по столу кулаком и посмотрел ей в глаза пьяным замутненным взглядом, от которого ей стало не по себе.

— Это мой путь, да! И я буду бороться с этими неверными, и в этом Малик прав. Да, он замолвил за меня слово, и теперь я в одной из самых мощных групп, где полевой командир — сам Черный ангел⁴! Я стал мужчиной, и позволь мне самому делать свой выбор.

— Сынок, ты сильно изменился. Стал совсем другим, а тебе ведь всего восемнадцать! Помнишь, как несколько лет назад, на первой своей охоте, ты не смог выстрелить в коосулю? А теперь...

— Да! Я стал другим! Я уже не тот мальчик, которого ты помнишь, и возраст здесь не имеет значения, — он опять налил себе спиртного, вы-

⁴ Главарь бандформирования Руслан (Хамзат) Гелаев.

пил, сморщился и, отломив большой кусок хлеба, зажевал. Потом посмотрел на горбушку в руке и отшвырнул ее от себя на пол.

— Что ты предлагаешь? Тоже идти и побираться у федералов, выпрашивая подавание, да?! Что они дали вам? Обьедки! Вот, держи! — парень рывком достал из кармана куртки небольшую пачку денег и кинул ее на стол, — вот это и хлеб, и крыша, и забор! И это не все! Я еще принесу! Теперь я знаю, теперь я умею их зарабатывать, да. Теперь расценки просты!

Женщина испугано посмотрела на деньги. А Салман, отложив машину, подошел к столу и спросил: а можно ли теперь будет купить ему велосипед? Брат кивнул, пообещав, что у него будет самый лучший велосипед! На что мать вдруг встала погнала Салмана спать. Закрыла за ним плотно дверь и с нарастающим беспокойством посмотрела, как Заур опять выпил, а затем, устало подперев голову руками, сказал:

— Я убил его!

— Кого? — не поняла мать.

— Того солдата. Их привезли к нам. Четверых пленных. Мы стояли и смотрели, как старшие перерезали троим горло. Тогда сам Хамзат Гелаев остановил их и, протянув мне нож, сказал — теперь ты. И я подошел к тому связанному парню, он был моего возраста, и он смотрел мне в глаза. В них не было страха! Он лишь просипел — я буду тебе сниться! И я резал его, а он не переставал смотреть на меня, харкая мне в лицо своей кровью. Я помню ее вкус! Солёный! А он не умирал! Хрипел, хлюпал порезами, бился в судорогах и не умирал, да! Тогда подошел мой товарищ и выстрелил ему в лицо. Но ты знаешь, Гелаев похвалил меня! Вот только одно, мама... — и он допил остатки коньяка прямо из горла. — Одно... Он снится мне, да. Подходит, когда я лежу, и, булькая расплзающимся в лоскуты горлом, смеется надо мной. А я не могу подняться, совсем нет сил. Он смотрит на меня одним своим уцелевшим глазом, а из другого, где зияет огромная рана, начинает сочиться какая-то дрянь, и в какой-то момент я чувствую, что весь в этой злойной жиже... Я захлебываюсь... А он смеется...

И парень вдруг как-то по-детски всхлипнул, уронил голову на руки и тут же провалился в беспокойный сон.

* * *

Фатима помогла Зауру лечь на диван, укрыла его стеганым одеялом. Затем долго стояла и смотрела на совсем молодое лицо сына, смахивая наворачивающиеся слезы. На душе было горько и тяжело, тянуло ощущение бродящей рядом беды. Уже под утро она осторожно заглянула в маленькую комнату, где в обнимку с красной машиной, так и не раздевшись, спал Салман. Тихонько прикрыла дверь, постояла у окна на кухне, глядя, как через сереющую пелену рассвета вырезались горные хребты, еще раз вздохнула и пошла спать. Но сон только усилил ощущение тревоги, окунув ее в уже ставший привычным за эти годы, но от этого не менее страшный кошмар.

Он был до невозможности однотипен и точен в повторении — лето девяносто четвертого... Соседский двор, Осман вместе с Маликом пытаются вывести рыжую корову, но та упирается, протяжно мыча, и тогда к ней подбегает Заур, еще подросток, протягивает пучок травы. Но корова не хочет есть из его рук, мотает головой, пытаясь освободиться от удерживающих ее чужих людей. Фатима смотрит на сыновей, затем на стоящего рядом мужа, но тот, не шелохнувшись, спокойно наблюдает за происходя-

шим. Тогда она удобнее укладывает на гребень руки сверток, в котором спит новорожденный Салман, любуется безмятежным детским лицом... Как вдруг раздается крик соседки Надежды, которая выбежала из дома на шум:

— Что вы делаете? Осман, Малик, вы что?! Прекратите!

Но парни только упорнее пытаются подчинить себе артачащееся животное. Тогда Надежда с мольбой обращается к ней, но Фатима молча отводит глаза. Тогда она начинает умолять ее мужа:

— Рашид, я прошу тебя, останови их! Мы же соседи!

Но муж смотрит только на строптивую рыжуху.

Тогда Надежда кидается к парням и пытается помешать им вывести животину со двора, на что Осман говорит невозмутимым голосом:

— Уезжать вам надо, соседка. — И с силой отталкивает ее так, что женщина падает.

— Убью! — доносится крик, и из-за сарая выбегает сын Надежды, тринадцатилетний Лешка, одноклассник Заура. В замахе он держит колун.

В это мгновение Осман выхватывает из кармана пистолет и стреляет мальчишке в грудь. Лешка замирает, роняет колун, удивленно смотрит на мать и заваливается навзничь.

Надежда бросается к нему, в беззвучном крике открывая рот, споткнувшись, падает на колени, осторожно сгребает, прижимает к себе безжизненное тело сына и начинает медленно раскачиваться, словно пытаясь убаюкать его. Слезы катятся из глаз, а губы беспрестанно шепчут какие-то нежные слова. Вдруг она замирает и в упор смотрит на остолбеневшую Фатиму затуманенным взглядом, вытягивает руку, указывая на нее пальцем, и проговаривает вмиг севшим голосом:

— И в твоём доме ветер задует огонь! Вы отняли у меня сына, и ты заплатишь за это сторицей! Старость твоя будет одинокая и никчемная!

Фатима в ужасе, пытается укрыть от этого безумного взгляда малыша, но в руках у нее оказывается только пустой сверток. Вскрикивает, пытается бежать, но не может. Ноги ее закаменели. И она с рыданием начинает молить непонятно кого на вмиг опустевшем дворе:

— Нет! Не надо! За что? Почему я?

И будто сквозь ветер кто-то шепчет ей в ответ:

— За молчаливое согласие...

Салман проснулся, посмотрел на лежащую рядом красную машину и вдруг ясно понял, что должен сделать, чтоб и брат мог им гордиться. Выскользнул из комнаты. В доме было тихо. Заур спал на диване, укрывшись с головой под одеялом. А у мамы почему-то по лицу текли слезы, и она что-то беззвучно бормотала во сне. Ему стало очень жалко ее, но он не стал будить, лишь поставил рядом свою новую игрушку, накинул курточку и на цыпочках вышел на улицу, бесшумно прикрыв за собой дверь.

До блокаста Салман то бежал, то переходил на шаг, старательно придерживая полог короткой курточки. У магазина привычно остановился, осмотрелся. Вокруг никого не было. Он сел на ставшее почти родным крыльцо и вытащил из-за пазухи, точно так же, как вчера это сделал его брат, пистолет. Оружие было большим и тяжелым, но мальчик заворотно разглядывал его. Ласково, как кошку, погладил металл, пальцем потрогал мушку и целик. Затем все сделал так, как показывал Заур, — снял с предохранителя, с силой передернул затвор и стал ждать...